

Из архива русской мысли

И. И. Лапшин

КАНТ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ (ПО ПОВОДУ 200-ЛЕТИЯ ДНЯ РОЖДЕНИЯ Э. КАНТА)

I

КРИТИЦИЗМ ПРОТИВ МЕТАФИЗИКИ

Едва ли найдется философ, вызывающий большие разногласия в оценке своего значения, чем Кант. Для сторонников церковного традиционизма он был всеразрушающим страшилищем «*Alles zermahlender Kant*». Католическая церковь включила его «критику» уже в 1826 г. в *Index librorum prohibitorum*. С тех пор Кант стал «*bestia nera*» для приспешников клерикализма¹. Одни философы называли Канта «*le durnier scholastiques*», другие творцом системы с двумя центрами тяжести (Дюринг); в ней усматривали опиум для омраченного классового сознания пролетариата (Плеханов); Канта называли жалчайшим калекой понятий (*Begriffskrüppel*) и даже просто идиотом (Ницше). Но наряду со страстной ненавистью, побудившей врагов к подобной квалификации творца критической философии, мы встречаем все оттенки симпатии, начиная с уважения и кончая восторженным поклонением. В своей «Новой критике разума» Фриз выражал радость по поводу того, что в философии Канта человечество обрело столь же прочную и достоверную систему знания, как геометрия Эвклида. Если бы мы на минуту допустили, что переворот, произведенный Кантом, был подлинной революцией человеческого духа, что «критика» заключает в себе, действительно, незыблемые основы научной гносеологии, что Кант нанес смертельный удар «царице всех наук» — метафизике, то перед нами все же возникает вопрос, почему же про метафизику всех сортов и всех мастей нельзя сказать то, что сказал когда-то Шиллер: «Метафизика скончалась, не оставив наследства, — и вот с аукциона продаются вещи в себе»? Уже при жизни Канта появились первые творения после кантовской метафизики, и затем на всем протяжении XIX в. не прекращается метафизическое творчество, переходящее и в XX столетие. Только во второй половине XIX в. в связи с успехами положительных наук

и возникновением родственного критицизму позитивистического направления (основоположники неокантианства и неокритицизма Ланге и Ренуве испытали на себе сильное влияние Конта) возникает снова усиленный интерес к критической философии, но и он не побеждает метафизических течений. «Меня поймут лет через сто», — говорил Кант Штегеману в 1797 г. Его пророчество буквально оправдалось. Ко времени столетнего юбилея «Критики» (1881) пышно расцвело «неокантианство» (возникшее в 60-х гг.). Однако в настоящее время оно, как и позитивизм, не играет господствующей роли. Последователь критической философии мог бы указать для такой живучести метафизики немало основательных причин. Если допустить, что Кант указывал единственно верный путь к обоснованию подлинно научной философии, то все же этот путь был помечен человеком, который наряду с элементами сверхличной и всевременной истины внес в свои построения и то местное и типически-индивидуальное, что было свойственно его эпохе. Он же сам прекрасно сказал по поводу Вольфа, что всякая философская система в известной мере есть слепок с живого человека. Теория познания, подобно математике, представляет вечно неопределенно расширяющееся, никогда не окончательно замкнутое единство. Самые предпосылки философии, подобно аксиомам математики, будут по мере дальнейшего роста наук требовать нового пересмотра и нового освещения. Прежде чем критическая теория успеет разобраться в каких-нибудь новых изобретениях человеческой мысли, метафизики уже ухватываются за них в надежде постигнуть при их помощи «истинно сущее». Когда новое понимание вполне уясняется, оказывается, что надежды метафизиков были тщетны, но такое уяснение требует времени. Пангеометрия Лобачевского, учение о трансфинитном Кантора, принцип относительности Эйнштейна возбуждали и возбуждают такие надежды. Усвоение критической точки зрения на мир требует известной органической ее ассимиляции. Сам Кант писал: «Недостаточно иметь основания для известного познания — надо с этим познанием свыкнуться (Трение). Недостаточно уничтожить основания для известного убеждения, нужно еще в течение некоторого времени оказывать противодействие привычке придерживаться прежнего убеждения, которое мы теперь считаем лишенным основания» («Reflexionen» II, § 59, стр. 19). Но самый главный импульс, сообщающий метафизике живучесть, — это мощная логика чувств, направленная на мифотворчество, хотя и в наукообразной форме².

Великие метафизические системы в процессе их возникновения представляют поразительную аналогию с религиозным мифотворчеством. Мир «вещей в себе», подобно «небу» богословов, есть проекционный экран, на котором можно видеть, как говорят чехи, подобизну психологических и социологических особенностей той эпохи, среды и человеческого характера, которые присущи его творцу или иногда контрастно дополняют типичную индивидуальность последнего. Абсолютное «Я» Фихте с его творческими устремлениями к моральному усовершенствованию мира очень смахивает на личность Фихте, этого прирожденного политического агитатора и морального проповедника. Бог Лейбница — Космический Геометр, и таков же Бог Декарта, хотя Декарт и утверждал, что исповедует религию Его Величества Короля и своей кормилицы. Объективный дух Гегеля чрезвычайно напоминает уравновешенного

эрудита-диалектика, каким был этот «ein ruhiger Verstandesmensch». Мировая воля Шопенгауэра ярко отображает духовный разлад творца системы пессимизма, а конвульсивный истерик Банзен переносит свои «парадоксы воли» на Вселенную, которая рисуется ему в образе множества внутренне терзаемых существ, из которых каждое есть «res volens idenique nolens». Убогий, больной и христиански кроткий Ницше создает, по контрасту, идеал в образе Сверхчеловека, красивого³, мощного и жестокого, «белокурого зверя», подобно тому, как в древности неврастеник Продик восхищался образом Геркулеса. «Плюралистическая вселенная» Джемса с ее ограниченным в своих силах Богом живо напоминает социальные черты американских Соединенных Штатов с их президентом, а мир монад Лютославского — польский сейм с его «liberum veto». Но метафизические системы не суть, как выражался Ф. А. Ланге, только поэтические мифы, только Begriffsdichtung; у наиболее талантливых метафизиков мы находим немало ценных и в научном отношении мыслей, поскольку их творчеством руководит интерес к познавательному, а не только эмоциональному мышлению. И метафизика XIX в. дала немало плодотворных импульсов для научного творчества и для разработки частичных философских проблем. При этом очень важно отметить, что в истории метафизики постоянно наблюдается явление, которое указывал уже Кант (см. его «Религию в пределах только разума») и которое заключается в гетерогонии целей (Вундт); стремление философа в ходе истории мысли нередко оказывается подходящим орудием для целей, которые он вовсе не имел в виду. Шопенгауэр говорил: «Поскоблите немецкого философа и вы найдете богослова». За хитроумною диалектикой гегелевской «философии религии» скрывалось, как будто простое ортодоксальное лютеранство. Он сам видит в себе «lutherischen Christen», который «Sich rühmt als Lutheraner getauft und er zogen zu sein ist, und bleiben wird!» А между тем, после смерти Гегеля, из его системы выросли Фейербах и Маркс.

После сказанного не удивительно, что критическая философия, даже если бы она сокрушила в принципе всякую метафизику, не могла, не может быстро побороть «метафизическую потребность» человечества, ибо она апеллирует, подобно математике и естествознанию, лишь к разуму и опыту, а метафизика отвечает потребностям сердца, воздействуя и на разум и на мощную «логику чувств».

II МЕТАФИЗИКА ПРОТИВ КРИТИЦИЗМА

Для современной философии, философии XX в., характеристичными являются следующие черты: 1) Широкая популяризация догмы материалистической метафизики — явление неведомое ранее человечеству — еще Чехов незадолго до смерти писал, что на нас скоро «Мамаем пойдет материализм», 2) В то же время всеобщее повторение скептицизма: скептицизм Ницше, «alsob-изм» Файнгерера и «релятивизм» Зиммеля в Германии, «боваризм» Готье во Франции, гуманизм Шиллера в Англии, футуризм Папини в Италии, прагматизм Джемса и инструментализм Дьюи в Америке, 3) Тяга особенно за последние

10 лет к церковному традиционализму (преимущественно у русских), в связи с устремлением к «философии веры» заметен и повышенный интерес к мистицизму и даже супранатурализму. Заметен весьма недвусмысленный возврат к средневековым тенденциям мысли, наивный реализм, принципиальное отрицание безусловной закономерности природы, логический реализм, реабилитация «энтелехии» и субстанциальных форм, защита онтологического (Франк) и физикотеологического аргумента в пользу Бытия Божия (Бергсон). Научно-философский критицизм и позитивизм стоят на втором плане, а отношение к ним модных метафизических направлений решительно отрицательное. Шестьдесят лет тому назад Либман писал: «Пора вернуться к Канту», а на докторском диспуте незабвенного П. И. Новгородцева проф. Л. И. Петражицкий (его оппонент), грозно помахав пальцем, вопиял: «Пора покончить с Кантом». И эта фраза может быть девизом современных господ положения.

Прислушаемся к их аргументам.

I. Кант сравнивал себя с Коперником — он-де установил новую точку зрения на познание: не природа диктует законы нашему разуму, а наоборот, наш разум природе. Понятие «вещи в себе» есть лишь невозможное задание для науки, ограничительное понятие. Однако беда в том, что критицизм не может обойтись без понятия вещи в себе, хотя в отвержении этого понятия и заключалось мнимое «коперниканство» Канта. Проф. С. Л. Франк сочувствует этим старым аргументам Якоби и его рассуждение ходячий аргумент современных метафизиков.

II. Кант воображал, будто, упразднив метафизику как науку, он на место ее поставил теорию познания. Но теория познания без метафизики есть просто бессмыслица, на это указывал уже Гегель, говоря, что кантианец, желающий строить теорию познания, не углубляясь в метафизику, подобен схоластику, который хотел научиться плавать, не побывав в воде. Эту мысль поддерживают многие, например Дельбеф, который находил смешною мысль: «*avant de savoir il faut savoir, si nous pouvons savoir*». Фолькельт, Банзен и особенно Нельсон, который указывает, что Кант исходил из ложной мысли, будто все знание сводится к актам суждения, между тем как мы обладаем массой знаний, проникающих в наш дух непосредственно (напр., восприятия), помимо актов суждения.

III. Самый способ разработки проблемы познания у Канта страдает роковою двойственностью. Есть ли метод Канта трансценденталогический или психологический? Следствием этой двойственности является поразительный факт, так сказать, поляризация новокантианства: два наиболее глубокомысленных комментатора Канта — Коген и Файнгер — дали в качестве самостоятельного плода многолетнего изучения Канта первый — «Логика чистого разума», а второй — «Философию фикции». У первого критицизм превратился в своеобразную рационалистическую диалектику «чистой мысли», а у второго, наоборот, критицизм выродился в чистейший сенсуализм, а все «априорное», все нечувственные операции мысли оказались чисто внешними, эвристическими уловками и фикциями.

IV. В учении о пространстве и времени Кант возвел в чин априорных интуиций пространство и время в понимании Эвклида и Ньютона, считая их

воззрения совершенно непогрешимыми (Брюнsvик), между тем современная математика и физика исходят из принципов неэвклидовой геометрии и принципа относительности Эйнштейна, которые в корне меняют наше представление о мире.

V. Самое понятие познающего субъекта у Канта безнадежно двоятся. Его «сознание вообще» приходится истолковывать или в смысле абсолютного Я Фихте, т. е. сверхиндивидуального сознания, так сказать, объемлющего все эмпирические Я (Джемс), или отождествлять с эмпирическим единичным сознанием — «*tertium non datur*». Таким образом, критицизму одновременно угрожает Сцилла абсолютного идеализма или Харибда скептического солипсизма.

VI. Критический идеализм совершенно несовместим с теорией эволюции. Согласно теории эволюции, человеческий разум стал возможен лишь как последний пышный плод эволюции, по Канту же сама природа мыслима лишь в отношении к человеческому разуму. Кто же в конце концов кого порождает: природа разум или разум природу?! Или, может быть, разум подобен египетскому богу Гору, который периодически то порождает свою мать, то порождает ее? Весьма любопытно, что на противоречие между эволюционизмом и критицизмом указывает именно кантианец Виндельбанд («*Im. Kant*», 1904).

VI. Кант воображал, будто мир явлений, который мы познаем, строго закономерен, потому что наш рассудок, функциям которого определяются условия возможного опыта, вносит порядок в познаваемый материал в силу закона причинности. Но такое объяснение (Джемс) при ближайшем рассмотрении ровно ничего не объясняет: ничто не мешает нам отвергнуть фикцию роковых законов природы и положить в основу эволюции начала контингентизма, произвольности, спонтанности, абсолютного творчества (Вергсон, Джемс, Ренувье)⁴. Будущее мира отнюдь не всецело предопределено его прошедшим.

VII. Кант придавал большое значение в процессе расширения научного познания априорным, т. е. всеобщим и необходимым синтетическим суждениям. На самом деле синтетические суждения для нас практически полезны, и в этом только их ценность, по существу же они могут вовсе не быть истинными (Ницше). Другие указывают (Кутюра), что все суждения в строго логическом смысле аналитичны, ибо суждение, в котором сказуемое приносило что-нибудь, чего нет в подлежащем, было бы бессмысленным. Поэтому деление суждений на синтетические и аналитические есть деление чисто психологическое, с логической же точки зрения всякое суждение по существу должно быть аналитическим.

VIII. Доказывая невозможность метафизики знания, Кант подчеркивал моральную необходимость метафизики веры, что является невозможным сочетанием идей, ибо всякая разумная вера предполагает знание. Поэтому необходимо де восстановить в своих правилах «Научные» доказательства реальности идей Бога, свободы воли и бессмертия души, которые для Канта были лишь объектами моральной веры.

Можно было бы неопределенно долго продолжать изложение этого обвинительного акта, предъявляемого современной философией Канту, но и сказанного достаточно, чтобы видеть, что самые устои критической философии

категорически отвергаются современными метафизиками. Если они правы, то от «величественного» здания «Критики чистого разума» не осталось бы камня на камне. Но всякий, кто понял «секрет» критической философии, знает, что они ни в одном из своих сокрушающих аргументов не правы, и может позволить себе роскошь, которая недоступна сторонникам догматизма — в юбилейный день философа вместо прочувствованной «Eloge», посвященной его памяти, предложить вниманию читателя «полное опровержение критицизма» современными философами. Но этого мало. Над современными метафизиками царит тот же закон гетерогонии целей. Заблуждаясь по существу, борясь негодным оружием против критицизма, они сами испытывают на себе его мощное влияние и при наличии крупного дарования весьма содействуют критической философии в разработке частных ее проблем. Критическая философия не боится любой беспощадной критики потому, что она, по выражению Манселя, подобна копью Ахиллеса, которое обладало чудесным свойством исцелять им же наносимые раны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На неаполитанском философском конгрессе 600-летний юбилей рождения «ангелического» доктора Фомы Аквинского совершенно заслонил юбилей «Кенигсбергского мудреца».

2. Не надо забывать, что великие метафизики были нередко и великими учеными. Критическая философия не признает ни за какой системой, в т. ч. и за собой, монополии «научности». Когда ссылаются голословно на «научность», то, по словам Канта, ему вспоминаются китайские чайные лавки в Кенигсберге, на окнах которых был выставлен аншлаг: «Здесь никого не обманывают». Критицизм стремится быть научной философией, но выражение научная философия, научный материализм, научный идеализм может импонировать только простодушным людям, говорящим от имени Науки, которая пишется через большую букву и не подозревающим, что «Науки» нет, а есть отдельные науки, а те, кто говорят от имени «Науки», сплошь да рядом, по удачному выражению академика П. Б. Струве, «беспатентно промышляют метафизикой».

Но даже самые странные и уродливые порождения метафизики представляют высокий интерес для психологии философского творчества. Ведь основных вариаций понятий о мире (Авенариус), основных типов метафизического мышления очень немного и они повторяются на всем протяжении истории философии. Таким образом, возможны классификации метафизических историй и эмпирическое изучение их происхождения и развития, а затем и систематическое противодействие гармонической культурой человеческого духа.

3. Гартман называет сверхчеловека Ницше «мечтой неврастенической дамы о мышцах циркового атлета».

4. См. чрезвычайно ценную работу Фердинанда Пеликана «Entstehung und Entwicklung des Kontingentismus». Berlin, 1915.

Известно мнение В. В. Зеньковского о философии И. И. Лапшина: «У Лапшина нет ни малейшего вкуса к метафизике, нет и потребности в ней. Это настоящее отречение от метафизики... ..Всякое “трансцендентное” бытие внушает ему почти суеверный страх».

В этом высказывании об И. И. Лапшине смешано разное. Одно дело — говорить, что «трансцендентное бытие» внушает ему страх. Правильнее было бы сказать, что трансцендентного бытия он не знает и потому не принимает. Это одно в утверждении В. В. Зеньковского... А другое — это констатация — что у И. И. Лапшина «нет потребности в метафизике». Она неточна. Личной потребности в метафизике у нашего философа, может быть, и нет, но вот осмысленное признание неустранимости метафизики из человеческой психики — это у него есть.

Современные исследователи уточняют понимание этой проблемы у И. И. Лапшина. А. И. Бродский показывает, что в отличие от своего учителя А. И. Введенского, который, как и И. Кант, допускал метафизику в форме непроверяемой веры, И. И. Лапшин «допускал ее в качестве некоей рациональной творческой деятельности по созданию необходимых для систематизации опыта фикции». Другой исследователь, В. Ф. Пустарнаков, сообщал, что Лапшин «оставлял за метафизическими системами роль рабочих гипотез, имеющих некоторую эвристическую ценность» (См.: Пустарнаков В. Ф. Лапшин как философ, исследователь научного и художественного творчества // Неокантианство в России. Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. С. Поповой. — М., 2013. — С. 229). О. Т. Ермишин, автор публикуемой в настоящем номере статьи о Лапшине и Достоевском, тоже говорит, что философ-кантианец, осваивая творчество писателя, обнаруживает у него особенную метафизику, а именно метафизику чувства: «...метафизические воззрения Достоевского на реальность внешнего мира, Бога, души и т. д. являются не метафизикой знания, а метафизикой чувства», имеющей своей «онтологической» основой душевный опыт писателя, мощную логику его чувств.

В рубрике «Из архива русской мысли» сегодня публикуется статья И. И. Лапшина «Кант и современная философия (По поводу 200-летия дня рождения Э. Канта)», которая была напечатана в «еженедельной газете культуры, науки, искусства и литературы» «Огни», издававшейся в Праге в 1924 г. (№ 20 и 21 за 26 мая и 21 июня).

Статья И. И. Лапшина увлекательно построена. Четкое, внятное сопоставление двух диспозиций («за» и «против» метафизики, «за» и «против» критицизма) завершается оптимистическим выводом: «Над современными метафизиками царит тот же закон гетерогонии целей. Заблуждаясь по существу, борясь негодным оружием против критицизма, они сами испытывают на себе его мощное влияние и при наличности крупного дарования весьма содействуют критической философии в разработке частных ее проблем. Критическая философия не боится самой беспощадной критики потому, что она, по выражению Манселя, подобно копью Ахиллеса, которое обладало чудесным свойством исцелять им же наносимые раны». Совершенно определенно И. И. Лапшин утверждает философское развитие в неразделимом единстве метафизики и критицизма.

А. А. Ермичѳв